

Алексей Сальников

Буллинг животворящий

Рассказ

Михаилу представлялось, что человеческая адекватность — это что-то вроде циферблата. На «двенадцати» находилась норма — спокойное такое существование, когда был человеку не в тягость, а даже радует, а больше ничего и не нужно. «Час» — там располагались неяркие футбольные болельщики, всякие просмотрщики сериалов, собаководы. На «двух часах» обитали почти те же самые болельщики, просмотрщики, собаководы, но уже с уклоном в коллекционирование всякого мерча, связанного с любимой командой, любимым сериалом, любимой породой блоховоза. Всяких значков и шарфов команд, футболок с номером форварда, плакатов с киногероями, магнитов с изображением корги. «Три часа» подразумевали некую уже социальную активность в рамках увлечения, то бишь: поездки на чемпионаты, косплеи, собачьи клубы. Дальше там было многое всего. В общем, «без пяти двенадцать» на Михайловой шкале адекватности обитали всякие разные вурдалаки, один другого краше.

Каждый раз, когда Михаил пересекался с Павлом — своим знакомым, и видел его спокойное обаяние, бритую добрую его физиономию, которая всегда излучала что-то вроде юмора, но не интернет — юмора, не нынешнего современного телевизионного, а такого, какой от Райкина исходил в некоторых репризах: «Кто стукнет, кто свистнет, кто шмякнет, кто брякнет...» Словом, видя знакомого своего Павла, Михаил почему-то отчетливо понимал, что все это показное, но такое натуральное дружелюбие, почти бесконфликтность, готовность прийти на помощь — исходит больше силой актерского Пашиного таланта, а не от некого врожденного умения любить окружающих.

Павел выглядел нормальным, но это была нормальность безумия, описавшего полный круг, замершего без одной секунды двенадцать, — безумия, которое уже казалось Михаилу адекватнее самой адекватности. Например, как и множество нормальных людей, Паша полностью был в кредитах. Машина у него была в кредит, велосипед в кредит, квартира в кредит, мебель в кредит, ремонт в кредит. Паша платил алименты, так что получалось, что даже ребенок у него был, в некотором смысле, в кредит. Как и всякий здоровый индивид, Паша работал сразу в нескольких местах и постоянно был занят. Ежели случалась какая общая дружеская вечеринка, он всегда говорил: «Мне нельзя много пить, мне завтра на работу», и, как и всякий обычный человек, тут же напивался после этих слов до безобразного состояния.

Сальников Алексей Викторович — российский писатель. Родился в 1978 году в Тарту. Печатался в журналах «Урал», «Волга», «Октябрь» и др. Лауреат поэтической премии «ЛитератуРРентген» (2005) в главной номинации, «НОС» (2015; приз критического сообщества), лауреат премии «Национальный бестселлер». Живет в Екатеринбурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2018, № 11.

Неизвестно, по какой причине Михаил предполагал в нем психопата: то ли по гипнотической интонации в голосе, из-за чего Михаилу казалось, что с какими бы словами не обращался Павел к людям, звучало это всегда так, будто он произносил: «А теперь иди и спрыгни с десятого этажа»; то ли из-за того, что, как Паша однажды признался, в детстве и уже во взрослом возрасте его любимым фильмом был и остался совершенно отмороженный «Незнайка с нашего двора», а может, потому, что Паша работал психологом, а Михаилу всегда казалось — здоровые люди в эту специальность не идут.

* * *

Они случайно встретились на перроне. Михаил поехал навестить родителей в Новосибирск.

— А я на конференцию, — сказал Паша. — В одном вагоне, значит. А это у тебя Ольга, это у тебя мелкая.

Он раскланялся с женой и дочерью Михаила, чем сразу же расположил их к себе: серьезные и даже капризные оттого, что им уже надоело торчать под жарким летним солнцем, среди пыли, мегафонов, баулов и мокролицых людей, куда-то постоянно идущих, таскающих за собой баулы с неприятно скрежещущими колесиками, обе повеселели. «Маньячина», — подумал Михаил и еще раз подумал то же слово, когда дочь, застенчивая с чужими, тут же ответила:

— Вы вдвоем поедете. Это значит, вам в два раза веселее будет ехать.

Павел с удовольствием посмотрел на дочь Михаила, но промолчал.

— ...Вот ты психолог, — говорил Михаил часа через четыре, когда они уже порядочно отъехали от города, успели подкупить проводницу, чтобы она не докапывалась, когда они ходили курить между вагонами, успели слегка накатить в пустом купе Павла. — Ты же сам знаешь, что это специальность так себе, слабо к здоровью имеет отношение, это просто способ деньги из людей качать, на эту вашу терапию можно годами ходить, то одну проблему пытаться решить, то другую, пока не надоест. Так ведь?

— Не так, — отвечал Павел, умиротворенно привалившись к спинке диванчика, тогда как Михаил наседал грудью на стол. — Если проблемы годами копятся, так их и приходится довольно долго решать, плюс к тому, пока со старыми проблемами разбираешься, может что-то новое накатить. Почему-то все думают, что психология — это как пальцем в нужную точку ткнуть, чтобы все разом прошло. А у нас с психологической помощью в стране так все хорошо, что не пальцем нужно тыкать, а ковровые бомбардировки применять, напалм, агент «оранж», да и то не сразу поможет. То есть целыми кварталами и районами брать и принудительно на терапию гнать, как на выборы. Приходи, если интересно, поработаем. У меня двери всегда для дру...

Павел осекся, увидев, как Михаил на него смотрит.

— Чу, — заметил Павел. — Тут никак что-то личное!

Тут настал черед Михаила отстраниться, абстрактно сказать шторке с буквами «РЖД»:

— Да что ты сделаешь, господи. Разве что через свои знакомства. Хотя какие у тебя знакомства?

Слово за слово, с походами покурить, стоянием в тамбуре, в проходе вагона, покрытого длинным полосатым ковриком, — и Михаил рассказал, что его дочь травят в школе. Уже кого только не подключали: родительский комитет, директора, чуть ли ни в суд пытались подать. Особенно выморозил Михаила школьный психолог — девочка едва ли старше его дочери, которую в школе и саму ни во что не ставили. Психолог проводила какие-то тренинги, разговаривала с травителями и дочерью. Травителей эти беседы, кажется, только забавили. Потешно это все им было.

— Думаем, со следующего года в другую школу перевестись, — подвел итог Михаил. — Вот вернусь и в июле займусь этим всем.

— Не, ну в принципе правильно, — согласился Павел. — Надо было еще раньше это сделать.

— Просто школа хорошая, обидно.

— Да где ж хорошая, если в ней такое.

— Страшно, если и в новой школе так же будет.

— Боишься, что с дочкой что-то не совсем нормально? — спросил Павел, и потому, как Михаил замялся, понял, что именно так оно и есть. — Она у тебя не любит поджигать что-нибудь?

Такой вопрос был настолько неожиданный, дикий, нелепый, что Михаил не смог даже «нет» сказать, а только помотал головой.

— А энуреза у нее нет? — не сдался Павел.

— Какой энурез, ей одиннадцать!

— А кошечка она каких-нибудь не душит?

— Паша! Да ты охренел!

Павел пыхнул беспечно и махнул рукой:

— Тогда успокойся. Считай, что наполовину воспитание уже удалось! Осталось вторую половину до ума довести, да и все.

Это было так глупо: уезжать все дальше от города, где была семья, ходить по вагону в тапках, трениках, майке, купленных специально для поездки, то есть в одежде, максимально отчуждавшей Михаила от дома, — и при всем этом не мочь, хотя бы на короткое время, отстраниться от семейной головной боли.

Во время остановки поезда к Паше в купе вселился сосед и сразу же включился в потребление алкоголя и разговор, когда услышал слово «буллинг»:

— У меня такое было в нашей деревне! Меня так и травили! Ох, как же меня травили, пацаны!

Красноватое лицо соседа (по имени Егор), освещенное только ночником, потому что уже давно стемнело, тем не менее, фосфоресцировало внутренним восторгом:

— Вы понимаете, пацаны, — дети, ведь они как, ну, как там в «Месте встречи»: «Баба она сердцем чует». Они вот тоже чуют, сволочи. Они всей толпой, если заметили, что человеку нечего делать там, где они тоже живут, они ему начинают намекать, даже еще пока все пешком под стол ходят, типа: вали отсюда, ты не наш. Если через голову не доходит, пытаются через печень объяснить. К выпускным классам это вообще усиливается в разы.

— Но в чем хитрость-то тут? — Егор легонько толкал Павла в бок. — Сколько вот таких деревень, как у меня? Сколько местных хулиганов вывели всяких ботаников в люди, если разобраться! Будь все как в сказке сколько народу так и жило бы у себя, там, где родилось! Легко быть самым умным где-нибудь, где живет от силы несколько тысяч человек. А ты попробуй в другом месте! Докажи! Это ведь хулиганье само не понимает, что делает, оно подсознательно... Да, это обидно, когда это происходит прямо с тобой, прямо сейчас, но как оглянешься... Такой животворящий буллинг, от которого бегут в Москву, или даже куда подальше, и становятся... да кем только не становятся.

К удивлению Михаила, Павел согласно кивал и улыбался, сам вспомнил, как его усердно и жестоко выпихивали из села, где он родился.

— Там ужас, что творилось, — посмеиваясь вспоминали Егор и Паша. — Автобус всего три раза в день, а по выходным — два раза. Девчонки были разобраны местными старшаками еще на стадии пубертата, но даже если бы и не были разобраны, то все равно фыркали, если мимо проходишь. Несколько местных фриков, с которыми тебя постоянно сравнивают, и ты понимаешь в итоге, что если останешься, то именно

в такого фрика и превратишься. Так даже родители и родственники в этом участвовали! Эти вот слова: «Не от мира сего!»

— Короче, — сказал Егор. — Если бы я точно знал, как у меня все будет, когда я оттуда свалю, еще лет в десять бы на лыжах укатился, не знаю, с обозом бы ушел! Но сейчас, нет-нет да и подумаю о них с благодарностью.

— Жаль, что все не так просто, — вздохнув, возразил Паша. — Уйма всяких случаев бывает, и все они разные. Если серьезно не влезать в каждый случай, то кажется, что это один и тот же случай: одноклассники травят безобидного ребенка. И чаще всего так и случается. Но... имеются случаи, когда, страшно такое говорить, но травля бывает оправданна. Класс порой защищается, чувствует угрозу. Бывает, что один психопат (маленький, но все же психопат), который умеет классом манипулировать, травит другого психопата, который не успел перехватить власть в классе. Просто шкурой чувствует конкурента, или конкурентку. Бывает, что тот, кого травят, бедный, несчастный, буквально Оливер Твист такой — жертва, жертва — на самом деле платит насилием в свой адрес за манипуляцию другого уровня: учителями рулит в силу своих возможностей, родителями.

— Многоходовочка, — угадал Егор.

— Да. Только без общения, без тестирования, без наблюдения сразу и не скажешь, как все на самом деле. Когда видишь, даже самого жуть берет. Это насколько ум, еще не развитый в плане каких-то научных знаний, оказывается ловким, чтобы крутить окружающими. И это как раз не лечится, это — как кошку дрессировать, чтобы она все собачьи команды выполняла.

Когда Павел был погружен в свое дело, хотя бы отчасти, когда уверенно и убедительно говорил, что творится с человеческими мозгами, то казался почти нормальным. Именно купившись на всю эту нетрезвую искренность, Михаил, собственно, и ляпнул:

— Да какая многоходовочка? В младшей школе все было нормально! А в пятом классе все как с цепи сорвались, хотя ничего не изменилось, никаких новеньких, ничего такого. Кто-то резко психопатом решил стать? Раскрылся, как цветок, когда гормоны начали подк对待ывать, или как это еще объяснить?

Павел задрал голову, будто услышал зов только ему слышной трубы.

— Что? — сердито спросил Михаил.

— Да все, — улыбнулся Паша. — Не нужно общения, тестов, ничего не нужно. Можешь дочку из школы не забирать.

* * *

Конечно, Михаил не поверил. Да и кто бы поверил? Но получилось так, что после отпуска Михаила втянули в пару командировок, жена тоже была занята, хоп, и наступил сентябрь.

— Прекрасные мы родители, ничего не скажешь! — заметила жена, когда они отправили дочь на линейку.

— Не будем в этом году тянуть, — ответил ей Михаил. — Если что не так пойдет, ломанемся в соседнюю школу, пусть она и хуже.

Вопреки ожиданиям, дочь вернулась домой веселая.

— Погоди. Это первые дни, детки еще во вкус не вошли, — высказалась жена. Но первый месяц прошел спокойно, второй.

После осенних каникул Михаил не выдержал и позвонил Павлу.

— Сработало, значит, — сказал тот вместо приветствия.

— Но как? — ошарашенно поинтересовался Михаил.

— Лучше тебе не знать, поверь, — ответил Павел. — Ты же нормальный, здоровый человек. Будешь потом переживать, корить себя.

Михаил настаивал, Павел недолго покочевряжился, а затем совершенно ровным голосом, будто про поход в магазин за хлебом, рассказал, что списался с психологом школы, где училась дочь Михаила, встретился с ней, поговорил, не такой уж она была дурочкой, как к ней относились.

— Знаешь, — сказал Павел, — есть такие учителя, которые снисходительно ученика к доске вызывают, вроде как, ну давай Иванов, покажи, как ты там домашку решил. Раз вызовут таким образом, два, пара ироничных вздохов, пока ребенок у доски, а там уже пошло-поехало. Иванов к доске, и класс такой уже готовится к представлению. И это все на самом деле незаметно, там очень тонкая грань в интонациях, ничего и не докажешь, учитель прямо не говорит, что ребенок тупой, никак не оскорбляет. Вроде и остальных учеников почти так же к доске вызывают иронично, или даже весело. Но вот в этом «почти» все и заключается. Эта грань между обычным отношением и травлей. Короче, класснуха твоей мелкой такая и оказалась. Ты как сказал, что в пятом классе это началось, хотя в коллективе никаких перемен не было, у меня и мелькнуло, что кто-то из учителей себя веселит. Ну я и решил это прекратить. Как видишь, получилось.

— И что ты сделал?

— Замутил с ней, — как о чем-то обыкновенном сказал Паша. — Сначала в сети, потом в реале, потом бросил и пообещал фото и видео наших встреч мужу переслать или в ваш школьный родительский чат. Не сказать, что мы очень уж отжигали, все в рамках традиционного, но все равно, наверно, ей не очень хочется засветиться в таком ключе.

Правильно угадав, что Михаил осталенел и не в силах сказать ни слова, Павел объяснил:

— По-другому никак. Ни слова, ни подарки, ни что-то еще — не действуют. Это или у человека самого должно щелкнуть в голове, что он неправ, или вот так — чтобы почувствовал, что он не один такой на свете отморозок, а может еще более обитый на голову встать на пути, только этого они и боятся. Только через страх это работает.

— А если бы это мужчина был?

— О! Ну это гораздо проще! — сразу же сказал Паша с энтузиазмом. — Говорю же. Через страх. Мне ведь немножко повезло на пенитенциарную систему поищачить. Остались какие-то знакомства среди бывших пациентов. Педагогу по тыкве бы надавали в темном переулке. Пояснили, что к чему. Цена вопроса, наверно, тыщи три. Или вовсе бесплатно, если правильно мотивировать.

Он помолчал, после чего вздохнул:

— Миша...

— Да-да? — суетливо вырвалось у Михаила.

— Ты только никому об этом не рассказывай, пожалуйста. Это было, потому что я знаю, что ты знаешь, какой я человек, так что особо скрывать что-то не было смысла. Никому другому из наших я бы и не подумал помогать, а тут накатило что-то вроде азарта.

Сами по себе слова, которые произносил Паша, если бы кто-то написал их на бумаге, выглядели безобидно, но что-то было в его интонации такое необъяснимое, будто в этот самый момент Паша не находился где-то далеко, в другом районе города, а стоял прямо за спиной Михаила с ножом в руке.